

УДК 343.01

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — НОВЫЙ ВЫЗОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА****И. О. Ткачев**

Уральский государственный юридический университет,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tkachyov@mail.ru

***Аннотация.** Уголовное право должно отвечать потребностям общества, обусловленным развитием научно-технического прогресса. Это требует признания роботизированных систем, функционирующих на основе технологии искусственного интеллекта, адресатами уголовно-правового воздействия. Такое воздействие может осуществляться путем применения к роботам иных мер уголовно-правового характера, которые не ставят своей целью воздание за совершение преступления. При этом концепция уголовной ответственности роботов во многом оказывается сходна с концепцией ответственности юридических лиц, которая последовательно реализуется в зарубежном уголовном праве.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, робот, уголовная ответственность, меры уголовно-правового характера, уголовно-правовое возмездие.*

***Annotation.** Criminal law should meet the needs of society, conditioned by the development of scientific and technological progress. This requires the recognition of robotic systems operating on the basis of artificial intelligence technology as addressees of criminal law. Such influence can be carried out by applying to robots other measures of a criminal-legal nature, which do not set as their goal retribution for the commission of a crime. At the same time, the concept of criminal liability for robots is largely similar to the concept of liability of legal entities, which is consistently implemented in foreign criminal law.*

***Keywords:** artificial intelligence, robot, criminal liability, measures of a criminal-legal nature, criminal-legal retribution.*

Человечество переживает период небывалого научно-технического прогресса. При этом его темпы только ускоряются. В связи с этим Р. Курцвейл предположил, что к 2045 г. произойдет событие, которое некоторыми футурологами именуется как «технологическая сингулярность», после которой научно-технический прогресс станет настолько быстрым, что его дальнейшее развитие будет просто невозможно предвидеть [1, с. 43–44].

Основным вектором развития научно-технического прогресса являются роботизированные системы, основанные на технологии искусственного интеллекта. Создание и широкое внедрение таких систем во все сферы человеческой

жизни неизбежно ставит новые вопросы перед правом в целом и уголовным правом в частности.

Применительно к уголовному праву проблема искусственного интеллекта рассматривается, как правило, через призму ответственности за вред, причиненный с использованием соответствующих роботизированных систем. Причем в большинстве случаев исследователи приходят к выводу о том, что этот вопрос должен быть решен путем разграничения сфер ответственности между создателем робота (т. е. разработчиком алгоритма, на основе которого функционирует его искусственный интеллект) и его оператором, т. е. владельцем. Иными словами, сам робот уголовной деликтоспособностью не наделяется и рассматривается не в качестве субъекта соответствующего общественно опасного деяния, а в качестве орудия его совершения.

Объясняя такой подход, А. Г. Кибальник и П. В. Волосюк полагают, что робот не способен нести уголовную ответственность в силу того, что не поддается уголовно-правовому воздействию. При этом подверженность такому воздействию указанные исследователи, очевидно, связывают с возможностью осознавать факт привлечения к уголовной ответственности и наличием переживаний по этому поводу. В результате данные авторы приходят к выводу, что, если даже самого интеллектуально продвинутого «взбесившегося» робота пустить под пресс за причиненный вред, вряд это можно считать исполнением наказания в уголовно-правовом смысле [2, с. 177].

Впрочем, такой подход ограничен представлением об уголовной ответственности и наказании, сложившемся в отечественной уголовно-правовой доктрине на современном этапе ее развития.

Так, согласно положениям ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях *исправления* осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Очевидно, что исправление робота в уголовно-правовом смысле этого слова невозможно. В настоящее время такое «исправление» осуществимо только путем изменения оператором заложенного в работе «алгоритма» функционирования его искусственного интеллекта (т. е. перенастройки программного обеспечения). То есть изменение «поведения» является результатом не рефлексии робота, а следствием внешнего, «механического» по отношению к нему воздействия, сродни тому, которое применительно к человеку было описано в романе Энтони Бёрджеса «Заводной апельсин».

Однако нам представляется, что именно уголовное право (как, впрочем, и иные отрасли) должно подстраиваться под потребности, которые объективно возникают в связи с развитием научно-технического прогресса, а не наоборот –

мы должны встраивать достижения научной мысли в рамки существующих подходов в доктрине уголовного права и на практике его применения.

Следует обратить внимание, что проблема наделения робота уголовной деликтоспособностью во многом сходна с проблемой наделения такой деликтоспособностью юридических лиц. Очевидно, что юридические лица также, как и роботы, не обладают чувствами, в силу которых способны переживать факт применения к ним мер уголовной ответственности. Более того, достаточно спорным является вопрос о наличии у юридических лиц автономной воли, которая, как известно, является непременным атрибутом вины. Несмотря на это, в том или ином виде концепция уголовной ответственности юридических лиц реализуется многими современными государствами. Сторонники указанной концепции встречаются и среди представителей отечественной науки уголовного права [3]. Бесспорно, признание роботов субъектами уголовной ответственности повлечет за собой необходимость конструирования нового подхода к определению и содержанию вины для указанной категории субъектов. Однако эта задача не выглядит не решаемой.

Впрочем, для того, чтобы обеспечить уголовно-правовой ответ на деяния, совершенные с использованием искусственного интеллекта, отмеченных изменений может и не потребоваться. В отечественной юриспруденции справедливо отмечается, что уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность представляют собой различные по сути понятия [4, с. 27]. Уголовно-правовое воздействие представляет собой реакцию государства на любое общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. В частности, об уголовно-правовом воздействии допустимо говорить применительно к деяниям, совершенным невменяемыми лицами. В связи с этим уместно задаться вопросом, почему инструментарий уголовного права подходит для ответа на объективно-противоправное деяние, совершенное невменяемым, но оказывается неуместным для оценки поведения робота?

Как известно, задачами уголовного закона являются охрана наиболее важных общественных отношений, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а также предупреждение преступлений. Решение этих задач достигается, согласно ч. 2 той же статьи, установлением как наказаний, так и иных мер уголовно-правового характера. При этом меры уголовно-правового характера применяются и к лицам, которые не обладают уголовной деликтоспособностью.

Стоит отметить, что уже достаточно давно в зарубежном уголовном праве сложилась теория «мер безопасности», которые, в отличие от наказания, не ставят своей целью воздаяние за совершение преступления, то есть не несут в себе элемент кары [5, с. 298]. Указанные меры направлены, прежде всего, на преду-

преждевание совершения общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом.

Неслучайно в некоторых государствах юридическое лицо, не считаясь субъектом преступления, тем не менее признается адресатом уголовно-правового воздействия, в связи с чем к нему могут применяться иные уголовно-правовые меры, независимо от их конкретного наименования в уголовном законе. Примером использования такой модели реализации уголовной ответственности может служить глава 15-2 УК Азербайджана. Мы полагаем, что подобные меры могут быть применены и в отношении роботизированных систем, в основу функционирования которых положены технологии искусственного интеллекта.

1. Попова А. В., Абрамова М. Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Russian journal of legal studies. 2018. № 3 (16). С. 39–46. [Вернуться к статье](#)

2. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–179. [Вернуться к статье](#)

3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 40 с. [Вернуться к статье](#)

4. Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М. : Проспект, 2020. 320 с. [Вернуться к статье](#)

5. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : учеб. пособие. М. : Проспект, 2014. 336 с. [Вернуться к статье](#)